

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О свойствах междисциплинарности (к развитию теорий молодежи)*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

В статье рассматриваются методологические вопросы междисциплинарности в связи с задачами построения теорий молодежи: парадигмальность научного знания, парадигмальный коллаж, кентавр-проблемы. Показывается возможность развития междисциплинарного знания как ответ на вызовы постмодернизма.

Ключевые слова: парадигма, парадигмальный коллаж, кентавр-проблема, молодежь, теории молодежи.

On Features of Interdisciplinarity (To Development of Youth Theories)

VAL. A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the article the following methodological questions of interdisciplinarity in the context of problems of youth theories construction are considered: paradigmality of scientific knowledge, paradigm collage, centaur-problems. The possibility of interdisciplinary knowledge development as an answer to post-modernism challenges is shown.

Keywords: paradigm, paradigm collage, centaur-problem, youth, youth theories.

Теории молодежи, а не теория молодежи — из этого различия в одну букву, а по существу из зафиксированного таким образом подхода к предмету изучения с необходимостью следует, что мы с самого начала предполагаем, что логика исследования

не приведет нас к единой теории молодежи, и мы как в самом начале, так и в конце исследования будем иметь дело с разными подходами к пониманию феномена молодежи, разными основаниями для выбора того или иного подхода, с разным строем создавае-

* Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00069).

** Луков Валерий Андреевич — проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук РС Международной академии наук (IAS). Тел. (495) 374-70-20. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

мой или принимаемой системы знаний и разной интерпретацией наблюдаемых или реконструируемых фактов в свете избранной каждым из авторов (научных коллективов и т. д.) теоретической конструкции. Иными словами, мы не только не обнаружим некоего единства имеющихся теорий молодежи, но и не станем утверждать, что такая теория может быть создана (Луков, 2009). И даже больше: мы с самого начала основываемся на понимании того, что движение в сторону к единой теории молодежи для исследовательской практики и для практики политической, социальной, культурной — не помощь, а препятствие.

Осмысление теорий молодежи как обобщений в отношении важнейшего социального феномена, придающего социальному и культурному развитию жизнь, в свете этих исходных установок предполагает понимание процесса научного познания как последовательной смены становления, расцвета и падения (а возможно — и возвращения в науку и нового расцвета, а потом, возможно, все же падения) комплексов знаний, представляющих собой *научные парадигмы*.

Парадигма в статике и динамике. Для начала уточним, что мы будем вкладывать в понятие «парадигма». Греческое слово «парадигма» переводится на русский язык как «пример, модель, образец»). Уже достаточно давно оно стало применяться, в частности в лингвистике — начиная от Фердинанда де Соссюра, для выделения групп объектов сходными свойствами, а позже для обозначения неизменной, константной группы регуляторов при построении систем знаний (по аналогии с тем, как в грамматике парадигмами выступают правила склонения существительных, спряжений глаголов и т. п., регулирующих словоформы для определенных классов лексем). Фактически речь идет о норме, применяя которую мы каждый раз безошибочно опознаем новый объект и вводим его в систему по тем же образцам, по каким в нее введены и все другие объекты аналогичной природы. То же касается свойств и отношений такого рода объектов. Такова,

можно сказать, объективная сторона парадигмы как инструмента познавательной деятельности человека, и этим понятием давно принято обозначать общие положения той или иной теории.

Однако извечный вопрос — кто устанавливает правила познания — остается при таком подходе без ответа. Американский социолог Томас Кун в середине XX в. выдвинул теорию, согласно которой развитие науки происходит путем *смены научных парадигм* (Кун, 2001). Как он показал, та или иная система научных положений получает распространение не столько потому, что она объективна, непротиворечива и т. д., сколько потому, что ее принимают авторитетные лица и организации, составляющие научное сообщество. Первоначально Т. Кун, как показали его критики (в частности, М. Мастерман, доводы которого подтолкнули Куна к развитию его теоретических положений), фактически идентифицировал научные парадигмы и научные сообщества. Позже, в дополнении к своему труду, опубликованном в 1969 г., Кун специально останавливается на разграничении этих понятий (там же: 226–233). Но и с учетом этих уточнений роль научных сообществ в динамике смены парадигм приоритетна: если парадигма где-то дала сбой, научное сообщество может отбросить ее всю, подвергнув тотальной критике и даже — в эмоциональном плане — обструкции, и принять другую парадигму, нередко альтернативную.

Этот процесс характеризует не только крупные научные революции.

Т. Кун подчеркивал в этой связи: «Для меня революция представляет собой вид изменения, включающего определенный вид реконструкции предписаний, которыми руководствуется группа. Но оно не обязательно должно быть большим изменением или казаться революционным тем, кто находится вне отдельного (замкнутого) сообщества, состоящего, может быть, не более чем из 25 человек. Именно потому, что указанный тип изменения, менее признанный или редко рассматриваемый в литературе по философии

фии науки, возникает так регулярно на этом уровне, требуется понимание природы революционных изменений как противоположных кумулятивным» (там же: 232). Теоретик и в этом утверждении исходит из двойного понимания парадигм. В первом значении он рассматривает их как наборы предписаний для научной группы, обозначая их в этом контексте как дисциплинарные матрицы (дисциплинарность связывает в таком случае парадигму с определенной научной дисциплиной, объединяющей круг ученых, матрица отражает то, что здесь мы имеем дело с упорядоченными элементами различного рода, требующими дополнительной спецификации («Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я первоначально называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, — пишет Кун в дополнении 1969 г., — являются компонентами парадигмальной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое» (там же: 234)). Из компонентов, составляющих матрицу, Кун выделяет, во-первых, символические обобщения (т. е. те выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий и могут быть легко формализуемы); во-вторых, концептуальные модели, обозначаемые теоретиком как «метафизические парадигмы» или «метафизические части парадигм» (т. е. общепринятые предписания, иначе говоря, то, что позволяет определить, что можно считать решением задачи и объяснением исследуемого феномена, а также выявить нерешенные задачи и их значимость); в-третьих, ценности, принятые среди различных сообществ ученых, — понимаемые, правда, Куном в узком смысле как имеющие исключительно внутринаучный характер и связанные с заботой в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки и т. п.; автор не имеет в виду ценности вроде той, что наука должна быть полезна для общества (там же: 235–237). Именно третий компонент — ценности — вызвал обвинения Куна в аполо-

гии субъективизма и иррационализме. Но почти полвека спустя утверждение роли ценностей в развитии науки уже не воспринимается столь критично, напротив, признается важным мотивирующее и регулирующее воздействие ценностей в самом широком смысле слова на научную теорию. В гуманитарной области это сегодня не требует доказательства.

Второе значение парадигмы у Куна — «общепринятый образец». Знание теории и правил ее применения недостаточно для успешного решения исследовательских задач, и в этом случае образец становится необходимым познавательным средством, поскольку позволяет уподоблять решение неизвестной задачи решению задачи, уже известной (там же: 243).

По сути, именно противопоставление качественного скачка, который на определенном этапе развития науки прерывает постепенность, и кумулятивности в накоплении признака составляет зерно концепции Куна, но только в том обрамлении, что источником такого скачкообразного перехода является научное сообщество. Разумеется, теоретик не считает смену парадигм результатом произвола авторитетных ученых и отдает должное обстоятельствам объективного характера. Но установление особого значения ситуации в научном сообществе, ведущей к смене парадигмы во многом по субъективным основаниям, позволяет лучше понять историю науки и увидеть драматизм трансформаций в строе научных знаний. Здесь работает психологический механизм «переключения гештальта», и без его действия аргументированная критика не достигает эффекта переубеждения членов научного сообщества, а значит, и смены парадигмы (там же: 262).

Нередко «переключение гештальта» лежит не в самой науке, а как бы рядом с ней. Таков пример марксизма. С падением социалистического строя в СССР и других социалистических странах марксизм в их общественной мысли был совершенно дискредитирован. Его место заняли теории Макса

Вебера, Карла Поппера, Вильфредо Парето, Альфреда Шюца, Толкотта Парсонса и других теоретиков. Однако на Западе именно в это время (в 1990-е годы) Маркс был отнесен к отцам-основателям социологической науки. В 17 учебниках по социологии, изданных в США между 1997 и 2000 гг., Маркс стоит на первом месте из 51 социолога, на которых сделаны ссылки (Hamilton, 2003). Парадигма, таким образом, может уходить в тень и может снова появляться в качестве ведущей или одной из тех, на которые ориентируется научное сообщество. (Отметим, что И. Лакатос, критикуя Т. Куна за иррационализм теории научных революций, выдвинул концепцию исследовательских программ, в трактовке смены которых он очень близок к куновскому пониманию процессов в научных сообществах. В этом духе, в частности, Лакатосом понимается конкуренция исследовательских программ, которая характеризуется переменным успехом (см.: Лакатос, 2001: 373–376)).

Поворот в понимании парадигмы, совершенный Т. Куном, принципиален для науковедения. Его значение в том, что в числе факторов, определяющих научное познание, на передний план выдвинут фактор субъективный. Спустя менее полувека после появления «Структуры научных революций» Т. Куна его идеи, как и идеи И. Лакатоса об исследовательских программах, не вызывают сопротивления в научных сообществах, особенно в сфере гуманитарного знания. Более того, если еще несколько десятилетий назад парадигмы в науке стояли подобно бастионам, то постмодернистская революция идей сделала их стены более проницаемыми, а взаимообмен даже и фундаментальными постулатами — в той или иной мере возможным. Научное сообщество выступает как художник, придавая науке, кроме рациональных оснований, еще и свойства красоты. Можно в этом смысле говорить о том, что парадигма не случайное скопление, а *ансамбль правил познания, признанных научным сообществом*. Даже если теория строится на совмещении положений разных парадигм,

требуется известное изящество в соединении таких положений: «свалка» постулатов не будет приниматься сообществом ученых за профессиональную науку, нарушитель парадигмальных границ решает методологическую задачу, применяя способы интеллектуальной живописи: вблизи — разноцветные точки, линии, мазки, на расстоянии — целостный и неповторимый образ.

Парадигмальный коллаж. Дискуссии о парадигмальности научных теорий выявили взаимодополняемость непрерывности и дискретности в формировании систем знаний: кумулятивность и научные революции (иногда в микромасштабе) оказываются соединенными между собой не чем-нибудь, а свойствами научных сообществ (1) поддерживать образцы, (2) разрушать основания и (3) конструировать новые системы знаний. Все три свойства проявляются как креативность, порождают борьбу и даже войну научных школ, придают структурированию научных знаний пафос и несут в себе богатейший заряд интеллектуальных сил, эмоций, восторгов, негодования, придают науке жизнь.

Известная смелость нужна и для того, чтобы выйти за рамки своей исследовательской программы и на чужой территории начинать поиск теоретико-методологических средств, которых не хватает для решения поставленных задач. При том что сохраняется значительная группа исследователей, которая считает недопустимыми теоретико-методологические смещения, широко распространилась практика реального взаимодействия теорий при выработке теорий «среднего уровня» (по Р. Мертону). Но в ряде случаев исследователи идут дальше, стремясь образовать новые теоретико-методологические единства там, где в прошлом существовали конфронтация или непризнание (часто как результат недостаточного знания) представителей соответствующих направлений и научных школ.

Таково, например, рассмотрение П. Бергером и Т. Лукманом перспектив своего рода парадигмального союза между неомарксизмом и символическим интеракционизмом.

По их мнению, «как равнодушие к социологии со стороны американских социальных психологов препятствовало им связать собственную точку зрения с макросоциологической теорией, так и совершенное незнание Мида являлось серьезным дефектом современной неомарксистской социальной мысли в Европе. Немалая ирония заключается в том факте, что поздние неомарксистские теоретики занялись поисками связей с фрейдской психологией (фундаментально несовместимой с антропологическими предпосылками марксизма), пребывая в полнейшем неведении относительно мидовской теории диалектики общества и индивида, которая куда более соответствует их собственному подходу» (Бергер, Лукман, 1995: 305–306). Разумеется, такого рода теоретико-методологические сращения допустимы как средство познания реальности лишь до определенной степени, и разве что в порядке достижения какой-то особой исследовательской цели можно отвлечься от принципиального несходства философских основ обеих парадигм. Тем не менее такое опрощение вполне возможно при формировании «теорий среднего уровня», где ключевые мировоззренческие позиции парадигм могут быть уведены в тень или просто не замечены. Характерно в этом плане увлечение в постсоветской России теорией социального конструирования реальности упомянутых П. Бергера и Т. Лукмана. Идея оказалась очень ясной для российских исследователей, мировоззрение которых формировалось в рамках парадигмы исторического материализма. То, что Бергер и Лукман в своей теории реализуют мировоззренческую позицию субъективного идеализма, было если и отмечено, то, так сказать, «боковым зрением», а центральная идея их концепции легко была освоена в обрамлении ранее сформированных истматовских постулатов.

В свободной трансформации положений, изъятых из разных теоретических парадигм, выражается и постмодернистская практика организации гуманитарного знания. Эклектизм в теории, осуждаемый за «неумение

выделить из суммы связей и отношений объективного мира главные связи предмета, явления в из конкретно-исторической обусловленности, механическое объединение различных сторон и свойств» (Фролов, 1986: 556), может действительно отражать слабость концептуализации, несостоятельность исследователя, но в современных условиях системная строгость социальной теории в духе Карла Линнея, игнорирующая феномены жизненной мозаики, — в еще большей мере свидетельство такой концептуальной слабости и такой исследовательской несостоятельности.

Ведущие социальные философы и социологи нашего времени смело сочетают в трактовках современного общества различные подходы. Такова, например, теоретическая концепция Энтони Гидденса, совмещающая макро- и микроуровни социальности без попытки подчинить их единому системному основанию (Giddens, 1992; Гидденс, 2003). П. Бергер и Т. Лукман моделируют свою оригинальную социологическую концепцию, заимствуя и переименовывая через новое название и новый контекст множество терминов, применяемых в существенно различающихся парадигмах: термины «запас знаний» и «знание рецептов» взяты у А. Шюца, «принятие роли другого» — у Дж. Г. Мида, «объективация» — у Гегеля и Маркса, «сидиментация» — у Э. Гуссерля, «репрезентация» — у Э. Дюркгейма, «опосредование» — у Ж.-П. Сартра и т. д. (Бергер, Лукман, 1995: 309–311).

Возникает вопрос: в каких случаях такой парадигмальный коллаж может быть признан уместным и даже необходимым. Ведь в чисто теоретическом измерении заимствования фундаментальных положений по большей части дискредитируют автора как недостаточно мощного концептуалиста. Значит, природу парадигмального коллажа следует искать за пределами конструирования теории как таковой, а именно в тех фрагментах реальности, структуру и направленность которым задают элементы, парадоксально сочетающие несоединимые свойства.

Кентавр-проблемы. Соответствующую аналогию представляют *кентавр-проблемы*, трактовку которых как важных для естественных, социальных, гуманитарных наук дал Ж. Т. Тощенко (Тощенко, 2005; 2007; 2009). Согласно этой трактовке кентавр-проблемы отражают специфичные парадоксы некоторых единств, которые кажутся отражением разной природы несовместимых свойств, но в действительности неразделимы. Таковы рассматриваемые в физике парадоксы «волна-частица», в философии — «феноменология-структурализм» и т. п. Для обозначения такого рода феноменов Тощенко применяет образ кентавра, подчеркивая, что он — *«воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодоленная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого»* (Тощенко, 2009: 152, курсив автора). Иначе говоря, речь идет не просто о противоречиях сознания, а также, по-видимому, о свойствах бессознательного (обратим внимание на то, что термин «кентавр» применял З. Фрейд при анализе сновидений, где имеет место аналогия с творениями фантазии, «которая легко соединяет в одно целое составные части, в действительности не связанные между собой, — например, кентавры... Ведь «творческая фантазия» вообще не может изобрести ничего нового, а только соединяет чуждые друг другу составные части» (Фрейд, 1989: 107)). Здесь имеется в виду фиксация разнородного как единства. Свойства кентавр-проблем Тощенко представляет следующим образом: (1) эти проблемы — особая форма парадокса, но не все парадоксы выступают как кентавр-проблемы; (2) это — особый случай поиска ответа на непознанные объективные процессы, возникающие, как правило, на стыке науки и практики; (3) к ним применим принцип неопределенности, кентавр-проблема может существовать и на подсознательном уровне, в этом случае с ней работает интуиция; (4) в сфере социальной, политической, духовной жизни возникают особые трудности распознавания и осмысления кентавр-проблем; (5) такие проблемы в своих проявлениях

нарастают в периоды деформации общественных отношений и социальной нестабильности; (6) незнание или игнорирование кентавр-проблем в политической сфере ведет к ложным выводам, создает условия для провала политических решений (Тощенко, 2009: 154–155). Исследователь подчеркивает: «Особенно трудно объяснимы ситуации, когда научное познание сосредоточено на проблемах общественной жизни, предстающих своеобразными социальными кентаврами. Внимательный анализ окружающей действительности вынуждает признавать факт постоянных встреч с кентаврами. Они рождаются, функционируют, окружают нас повсеместно. Но с одной поправкой. Они проявляют себя в наших представлениях о непонятных и непознанных нами процессах и явлениях. Сам объект исследовательского интереса не всегда осознает свою «кентавренность»» (там же: 156).

Идею кентавр-проблем развивают и другие ученые. Так, С. Н. Майорова-Щеглова выделяет, изучая социализацию детей и молодежи, кентавр-явления, кентавр-процессы, кентавр-образы, кентавр-личности (Майорова-Щеглова, 2009). Здесь, как и у Ж. Т. Тощенко, очевидно смещение вопроса из гносеологической в онтологическую сферу. Иными словами, признается, что «кентавренностью» обладают многие объекты (фрагменты реальности) сами по себе, а не только в их научном описании.

Эта позиция может быть осмыслена в еще более широком контексте. По сути, биосоциальная природа человека содержит основания для ее представления как кентавр-проблемы. Из этого следует, что всякое обобщенное исследование человека и общества по необходимости оказывается в кругу кентавр-проблем. Это обстоятельство в пределах расчлененных по предмету и методу наук нередко игнорируется, и во множестве исследований общества биотический уровень вообще не принимается в расчет, даже после того как ясная концепция, признающая это обстоятельство крайне существенным для понимания социальных связей, бы-

ла сформирована и эмпирически подтверждена в работах Чикагской социологической школы еще в начале XX в. (Park, 1929; Park, Burgess, 1924; Парк, 1999).

Если говорить о теориях молодежи, то в них в первую очередь важно замечать двойственность природы человека, поскольку именно на период молодости приходится особый конфликт биологического и социального, преодолеваемый в процессе социализации. Но, значит, здесь никак не обойти и на уровне гносеологическом кентавр-проблемы, т. е. в самой организации научного знания о молодежи надо допускать возможность, более того — неизбежность, соединения несоединимого — концептуальных подходов, пересекающих границы научных монодисциплин.

Однако далеко не во всех случаях возможно обеспечить слияние теоретико-методологических постулатов из разных парадигм в единой теории. В таких ситуациях представляется оправданным парадигмальный коллаж, который выступает как гипотеза относительно сочетаемости различных познавательных схем и средств на более глубоких уровнях осмысления действительности.

Как методологическая гипотеза парадигмальный коллаж может рассматриваться в одном ряду с концепцией научных *перспектив*, выдвинутой Уильямом Скидмором (Skidmore, 1975). Суть его идеи — определить теории, которые не обладают строгой логикой и системой, а дают образное представление о реальности, как паттерн-теории, или перспективы. В отличие от дедуктивных теорий они более аморфны, их нельзя проверить на практике, но они формируют язык описания реальности в определенном аспекте. Перспективы — это интерпретативные схемы понимания социальной реальности, утверждает Скидмор (см.: Добренков, Кравченко, 2000: 336). В том же духе парадигмальный коллаж может рассматриваться как инструментальное средство теоретического обобщения относительно объектов сложной природы, по крайней мере до того этапа развития науки, когда такого рода объекты (кентавр-объекты, можем сказать,

продолжая метафору Ж. Т. Тощенко о кентавр-проблемах) смогут адекватно описываться и осмысливаться в пределах интегральных наук о человеке и обществе.

Междисциплинарность как идея и как реальность научных исследований. Междисциплинарность — одна из методологических и науковедческих идей, которая получила широкое распространение во второй половине XX в. Сама установка на междисциплинарность имеет когнитивный и организационный аспекты как тесно связанные между собой. В когнитивном отношении междисциплинарность означает выход в исследовании за пределы знания, сконструированного по правилам, принятым в какой-то одной науке или научной дисциплине. А значит, возникает необходимость в таких коммуникативных когнитивных практиках, которые соответствуют определенным условиям. В. В. Василькова, например, выделяет шесть таких условий (методологических принципов): выработка единых, приемлемых для всех участников исходных представлений об объекте изучения (принцип релевантности); построение единого сложноорганизованного предмета исследования; выделение той дисциплины, которая отражает высшие уровни развития объекта и структурирование интегрального знания на основе концептуального аппарата этой дисциплины; субординация и координация методов исследования, выяснение места и значения каждого из них во взаимосвязанном решении познавательных задач (принцип конгруэнтности); принцип генеральной цели междисциплинарного исследования, которая позволит осуществить отбор необходимого комплекса наук; создание единой теоретической концепции объекта, который составит ядро общей исследовательской программы (Василькова, 2004: 70).

Организационная сторона вопроса состоит в том, что междисциплинарность исследований предполагает формирование групп ученых, научных коллективов, которые объединяются для разработки соответствующей проблемы и находятся в постоянной коммуникации, чем и разрушаются барьеры науч-

ных дисциплин (а точнее сказать — парадигм в рамках разных научных дисциплин). В этом усматривается отличие междисциплинарности от мультидисциплинарности, плюридисциплинарности, трансдисциплинарности (там же: 69).

Такой взгляд можно считать более или менее устоявшимся в философии науки и науковедении. Для нас это немаловажно учесть, поскольку именно в этом духе в конце концов развивались молодежные исследования по крайней мере уже около полувека, а практически больше века — с того времени, когда теории молодежи становятся предметом специальных разработок, интеллектуального конструирования в среде ученых, с одной стороны, и политиков — с другой. На стержне междисциплинарности в 1970–1990-х годах во многих странах (Болгария, Германия, Польша, Румыния, СССР, Франция, Япония и др.) формировались научные учреждения, изучавшие проблемы молодежи в качестве основного направления своей деятельности. Этот путь показал свою эвристичность в концептуальном отношении и эффективность в практике организованной деятельности среди молодежи структур государства и гражданского общества.

Но присмотримся к междисциплинарности повнимательнее. Только по видимости это однородный и однозначный тезис, находящийся в оппозиции тезису о монодисциплинарности. В теоретико-методологическом плане он выступает скорее как научная метафора, означающая вектор развития всего комплекса гуманитарных и социальных наук. Никаких четких представлений о том, что значит междисциплинарность как *технология* исследования, пока не удалось выработать. Некоторое продвижение на этом направлении коммуникативистики осмысливается даже в определенном отношении как некоторая ущербность, поскольку в результате не удается выделить самостоятельный предмет этой дисциплины (там же: 73), иными словами, сформировать ее как монодисциплину.

Опыт сращения научных дисциплин есть и вне конструирования коммуникативисти-

ки — везде, где преодоление границ между науками вытекает из сложных по природе феноменов, подлежащих изучению. Но в аспекте технологии такого сращения задача даже толком не поставлена, и считается достаточным само утверждение, что междисциплинарность позволит достичь прогресса в понимании сложных исследовательских объектов. Точнее, есть некоторые подходы, позволяющие говорить о преодолении границ между науками в таких случаях, но по большей части это бинарные композиции наук (бинарный здесь понимается как состоящий из двух компонентов; трактовка бинарности как раздвоенной оппозиционности в семантике Ю. М. Лотмана (см.: Лотман, 1998: 227) может прояснить более глубокие пласты взаимодействия наук — и именно в ключе тезаурусного анализа, но здесь достаточно самое простое основание для выделения целого класса междисциплинарных систем научного знания). К таковым относятся, в частности, биоэтика, психолингвистика, политическая география и т. п. Некоторые из би-наук прошли достаточно автономное развитие и получили признание как относительно независимые от своих источников. Такова, например, социальная психология, берущая начало от работ исследователей, одинаково признаваемых сегодня классиками и психологии, и социологии (Г. Тард, Г. Лебон, У. Мак-Дуголл, Э. Росс и др.). Характерно, что она возникает во времена (а это конец XIX — начало XX в.), когда психологизация становится общей тенденцией социальных и гуманитарных наук, проникая в логику и лингвистику, историю культуры и криминологию. В научных сообществах (а частью и в общественном сознании культурных слоев) сначала по-новому воспринимается индивидуальная психология, и экспериментальная психология Вильгельма Вундта сыграла в этом немалую роль, а Зигмунд Фрейд разрушил табу на невмешательство науки в интимную сферу человеческих отношений и в тайники бессознательного. Затем психологические мотивы все шире начинают трактоваться как базовые для

социальной и культурной жизни, все шире осваивается область социальной психологии. До начала XX в. она еще не выделяется в автономную сферу научного знания, переплетается с социологией и составляет пограничную зону, которая осваивается несколькими научными школами, которые могут быть названы психологическими школами социологии. Но о них же можно сказать, что это социологически ориентированные школы психологии. В конце XX в. по-прежнему раздвоение социальной психологии не было преодолено, и существовали школы «социологической социальной психологии» и «психологической социальной психологии», первые опирались на методы объяснения и опроса (анкетирование, интервью), вторые — на экспериментальный метод. Междисциплинарность в американской социальной психологии как реальная исследовательская практика связывается с такими именами, как Р. Селтен, Д. Берли, о работах которых Р. Баутилер, Дж. Роуд, А. Свендсен говорят, что это были первые шаги в сторону применения в социальной психологии междисциплинарного подхода (Boutilier, Roed, Svendsen, 1980).

Сегодня многие проблемы, касающиеся молодежи, рассматриваются на перекрестке социологии и психологии со слабо выраженной границей между ними. Такова, например, социализация, вынуждающая акцентировать ту или иную направленность ее исследования (в смысле отнесения к разряду психологической или социологической проблематики) лишь при давлении внешних, в основном формальных причин. Оживленная дискуссия по вопросу о допустимости применения в социологическом исследовании теоретико-методологического и методического арсенала психологии имела место, например, при защите диссертации В. В. Богдановой по социологии в 2009 г. (Богданова, 2009).

Но би-научность все же не вполне решает методологическую проблему совместимости основоположений двух наук, образующих новый союз. В конечном итоге одна из входящих в него наук приобретает свойства ба-

зовой, а другая выполняет роль дополнительной и в этом смысле второстепенной. Характерный пример дает социолингвистика. По своему назначению — это би-наука, призванная выявить связь языковых содержаний и форм с содержаниями и формами социальной жизни. Длительное время шла дискуссия о том, какая из двух наук — социология или лингвистика — выступает основной в этом тандеме. В работах последнего времени достаточно определенно утверждается, что дискуссия завершилась в пользу признания приоритета лингвистики (Беликов, Крысин, 2001). Но этот вывод делают лингвисты. Мы, например, смоделировали содержание социолингвистики, опираясь на противоположную идею, а именно на признание приоритета социологии (Луков, 2002). Конструкция би-науки оказалась вполне возможной и при таком подходе.

Мы еще раз ходим подчеркнуть, что даже в би-науках, где конструирование ведется по альтернативному принципу, нет однозначных правил преодоления барьеров между предметами и методами наук. Намного менее ясны способы сращения целых кустов наук, даже однородных (например, социальных, гуманитарных), а тем более характеризующихся разной организацией научного знания (как это отмечается относительно групп естественных и гуманитарных наук). В этом смысле движение к междисциплинарности порождает нередко не столько продуктивный итог лучшего осмысления реальности со сложной природой, сколько отход от какой-либо системы знания, ведущий к утрате и понимания изучаемых фактов действительности.

Постмодернистский вызов монодисциплинарности гуманитарного знания. Эта оборотная сторона междисциплинарности, точнее — не ее самой, а потребности в ней, ощущавшейся в мировом научном сообществе, более всего проявилась в постмодернистской атаке на систему научного знания. Эта атака дала импульс глубокой трансформации наук о человеке и обществе в последней трети XX в. В России и других постсоветских

странах она была воспринята как средство освобождения от методологических пут марксизма-ленинизма — и в этом отношении осваивалась не столько в контексте противостояния моно- и междисциплинарности в организации гуманитарного знания, сколько в «великом отказе» от методологии как таковой (поскольку марксизм-ленинизм как раз по своей природе междисциплинарен). В короткий срок были переведены на русский, украинский, польский и другие языки стран с изменившейся политической системой все важнейшие труды основоположников постмодернизма (Делез, Гваттари, 1998; Деррида, 1998, 1999; Лиотар, 1998; Фуко, 1994, 1999; Деррида, 2000; Після філософії..., 2000; Postmodernizm..., 1998), а понятия «интертекстуальность», «деконструкция», «ризомы» и т. п. стали применяться как само собой разумеющиеся.

Разрушающее воздействие постмодернизма на социально-гуманитарные науки возникло не как спланированная неким тайным сообществом ученых акция. Вполне определенно в восхождении постмодернизма на научный олимп проявилось стечение обстоятельств, каждое из которых в одиночку не несет в себе зерно кризиса основных положений наук о человеке, обществе, культуре. Следует учитывать по крайней мере три обстоятельства.

Первое состоит в том, что к концу XX в. цивилизация пришла к порогу информационного общества, а в отдельных странах перешла этот порог. В мире начали набирать силу процессы, которые были в зародыше представлены и в другие эпохи, но не имели столь большого значения. Таков, в частности, активный процесс структурирования сетевого общества. Социальные сети были всегда, но в конечном счете они подчинялись иерархической структуре общества и чаще всего иерархией и порождались, ее и поддерживали. В условиях принципиального изменения средств коммуникации сетевые структуры оказались фактически не управляемыми извне, из какого-то внешнего регулирующего центра (государства и т. п.). Так

построены искусственно созданные информационные сети, так стало все более строиться и сообщество их пользователей, а при достижении критической точки — общество (сообщества) уже и за пределами аудитории Интернета и других компьютерных сетей. Это — новое явление в обществе, которое потребовало своего объяснения и понимания в формах научного знания.

Второе обстоятельство предопределено первым: изменения в обществе, а в последнее время и в перспективах человека как биосоциального существа, поставили в тупик науки, сформировавшиеся на почве уходящих в прошлое социальных практик, форм жизнедеятельности и в широком смысле — эпох. Контовский социологический проект (который в такой формулировке остается и сегодня в российском госстандарте высшего образования по предмету «Социология») был вдохновлен устанавливавшимся в странах Западной Европы *индустриальным* (согласно терминологии Конта, Спенсера и других позитивистов), а вовсе не *информационным* типом общества. Даже трансформированный последователями с учетом новых реалий, этот взгляд на общество, как, впрочем, и конкурировавшие с ним концепции, оставался в рамках своего времени. В итоге сложившаяся система научного знания в его социально-гуманитарном сегменте не могла не подвергнуться критическому пересмотру.

Третье обстоятельство — сам постмодернизм. По происхождению он в общем-то довольно частная теория. Его исходное положение вполне приемлемо: оно связывает изменение статуса знания с вхождением общества в постиндустриальную эпоху, а культуры — в эпоху постмодерна (Лиотар, 1998: 14). Но дальше проявляется тот ограниченный взгляд на научное знание, который так характерен для многих западных интеллектуалов: «Научное знание — это вид дискурса» (там же: 15). Если сразу обратить внимание на этот концептуальный стержень постмодернистской знаниевой парадигмы, то станет ясно, что лингвистический уклон в философии постмодернизма — вовсе не

случайность. Можно даже сказать, что само это явление не столько философское, сколько лингвистическое, задачи родоначальников постмодернистских концепций преимущественно и находятся в лингвистической сфере. Лиотар совершенно определенно указывает, что процедура его исследования состоит в том, чтобы «сделать акцент на языковых фактах, и уже в этих фактах выделить их прагматический акцент» (там же: 28). Методом такого анализа он объявляет *языковые игры*, т. е. наименование по правилам. Отсюда и делается мост в прагматику: «...наблюдаемая социальная связь основана на речевых “приемах”» (там же: 33). Точно так же выглядит исходная идея деконструкции у Ж. Деррида и многие другие постулаты постмодернизма, выступающего, в сущности, именно как языковые игры.

Почему же теория лингвистического свойства, имеющая и своих предшественников в лингвистике (Ч. У. Моррис и др.), оказалась столь популярной, что на примерно три десятилетия отгеснила на задний план классику социально-гуманитарных наук и дискредитировала теории, казалось бы, несокрушимые? Думается, здесь и обнаружилась связь названных обстоятельств, возникших почти независимо друг от друга, но в известной последовательности: изменился мир — ранее сформированные знаниевые системы не позволяли уже в нем адекватно ориентироваться — частнонаучная гипотеза оказалась тут как нельзя более кстати и воспринята как новейшее слово в науке. В этом превознесении постмодернизма, конечно, была жажда обновления всего корпуса научного знания, и многие глубокие наблюдения и трактовки М. Фуко, Р. Барта, Ж. Делёза, Ж. Бодрийера позволяли освободиться от рутинного пласта университетской образованности. Но вкупе с языковыми играми немалой частью научного сообщества принимались и идеи, отрицающие науку как особую форму общественного сознания, она теряла определенность понятий и их связей, уходила от осмысления закономерного и переставала быть *системой* знания, совершая,

можно сказать, обратный путь тому, что некогда сформулировал Вольтер (он писал: «Под системой мы разумеем гипотезу; затем, когда эта гипотеза будет доказана, она превращается в истину» (Вольтер, 1988: 709)). Гипотеза и становится в постмодернизме системой, точнее — замещает ее.

Постмодернистскую концепцию, при всем многообразии идей, высказанных ее создателями по частным вопросам нередко в яркой, даже захватывающей форме, в совокупности можно свести на уровне пафоса — к разочарованию в модернистском проекте (т. е. в культе современности в Новое и Новейшее время), а на уровне идей — к трем аксиомам постмодернистского подхода к исследованию культуры: 1) отрицанию нового (то, что кажется новым, слеплено из кирпичиков старого); 2) отрицанию структуры (разделение на центр и периферию иллюзорно); 3) организации материала культуры не через структуры, а через цепочки, их переплетения, конгломераты (коды, дискурсы, ризомы). Революционность этим мыслям придает предположение, ясно выраженное, например, у Р. Барта (Барт, 2001), что все эти цепочки призваны скрыть борьбу за власть.

Но, как это уже не раз происходило раньше, на смену столь тотальному разочарованию приходит разочарование в разочаровании. По мере того как научный мир преодолевает постмодернистский кризис, теряет привлекательность и технология постмодернистского опровержения наук о человеке, обществе и культуре. Этот процесс в России идет медленно, но уже все более очевидна слабая эвристичность подходов постмодернизма для обобщений в социально-гуманитарной сфере. Разрабатываются другие концепции, и некоторые из них хоть и не имели целью дать альтернативу постмодернистским концепциям, но могут трактоваться и в этом ключе. Такова, в частности, тезаурусная концепция (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008). Заметим, что тезаурусное исследование субъекта вовсе не похоже на произвольность постмодернистских штудий, потому что исходит из существования объективной

стороны тезауруса, которая может быть описана и измерена. Тезаурусный подход позволяет вполне объективно охарактеризовать и сам постмодернизм, его истоки, сильные и слабые стороны, рассмотрев его как коллективный тезаурус. Существенно здесь то, что постмодернизм осваивается в культуре по тем же правилам, что и любое другое интеллектуальное явление.

В отношении осмысления молодежи на теоретическом уровне тезаурусный подход привлекает внимание к ее субъектным свойствам. Заметим, что если даже принять самую радикальную точку зрения на молодежь и утверждать, что она представляет собой результат конструирования обществом своей структуры и функционала ее элементов, т. е. проще говоря, что общество придумало молодежь на определенном этапе своего развития, а именно на этапе перехода к индустриальному типу общественного устройства (а такие позиции есть), то и в этом случае придется все же признать, что это внешнее для молодежи обстоятельство не могло не сопровождаться ее внутренним становлением как социальной реальности. Соответствующее признание косвенно обнаруживается в теориях молодежи, авторы которых моменту социального конструирования ее через статусно-ролевой набор или другие свойства (в частности инновационные) придают основополагающее значение. Такой подход чаще всего лишь декларируется, но далее исследование строится вокруг молодежи именно как реальности.

Между тем эта двойственность не решает теоретической проблемы по существу. С позиций тезаурусного подхода возникает возможность посмотреть на нее с несколько иной стороны, а именно увидеть, что не только общество — основываясь, конечно, на реальности, трансформируя реальность как вполне материальный объект — конструирует молодежь в той части, которая может быть осуществлена через систему воспитания и шире — социализации, но и молодежь конструирует реальность, опираясь на формирующиеся у нее тезаурусы.

В свете сказанного представляется необходимым последовательно идти в научном познании по пути междисциплинарности, не впадая в крайности. Сегодня вновь активно обсуждаются проблемы создания единой науки о человеке. В среде исследователей молодежных проблем ведется работа по формированию ювенологии как единой науки о молодежи (наш анализ этой тенденции содержится в статье: Луков, 2007). Это позитивные процессы в науке до тех пор, пока та или иная теоретическая конструкция не начинает претендовать на единственно перспективную. В действительности мы лишь на пороге синтеза наук и проходим на этом пути более или менее длительный этап междисциплинарности. Этап этот не завершится по крайней мере до того времени, как в сложных социальных объектах, каковым является и молодежь, не удастся устанавливать их эмерджентные свойства с достаточной обоснованностью — и теоретической, и эмпирической. Вновь приходится отметить, что специфика эмерджентности в обществе в том и состоит, что новые явления возникают как бы ниоткуда или с той стороны, с которой их не ожидали обнаружить. Молодежь как своего рода биосоциальный кентавр-объект дает при своем изучении повод экспериментировать с междисциплинарностью, нащупывая пути к более совершенным формам синтеза наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Р. (2001) *S/Z* : пер. с фр. 2-е изд., испр. М. : УРСС.
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) Социоллингвистика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум, 1995.
- Богданова, В. В. (2009) Социализационные траектории студенческой молодежи: состояние, направленность, основные тенденции : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.
- Василькова, В. В. (2004) Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере

- становления коммуникативной теории) // Коммуникация и образование : сб. статей / под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербург. филос. об-во. С. 69–88.
- Вольтер (1988) *Философские сочинения*. М. : Наука.
- Гидденс, Э. (2003) *Устроение общества : Очерк теории структуризации* : пер. с англ. М. : Академ. Проект.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (1998) *Что такое философия?* : пер. с фр. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя.
- Деррида, Ж. (1998) *Эссе об имени* : пер. с фр. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя.
- Деррида, Ж. (1999) *О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только* : пер. с фр. Минск : Совр. литератор.
- Деррида, Ж. (2000) *Привиди Маркса*. Харків : Глаз.
- Добренков, В. И., Кравченко, А. И. (2000) *Социология : в 3 т. Т. 1 : Методология и история*. М. : ИНФРА-М.
- Кун, Т. (2001) *Структура научных революций*. М. : АСТ.
- Лакатос, И. (2001) *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ* // Кун, Т. Цит. соч. С. 373–376.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1998) *Состояние постмодерна* : пер. с фр. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя.
- Лотман, Ю. М. (1998) *Об искусстве*. СПб. : Искусство.
- Луков, Вал. А. (2002) *Социоллингвистика : программа учеб. курса для факультета лингвистики и культурологии*. М. : Социум, 2002.
- Луков, Вал. А. (2007) *Теории молодежи: пути развития [Статья 1]* // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 70–82.
- Луков, Вал. А. (2009) *Теории молодежи: апология их неисчерпаемости* // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 58–65.
- Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) *Тезаурус : Субъектная организация гуманитарного знания*. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.
- Майорова-Щеглова, С. Н. (2009) *Кентавр-проблемы в социализации российских детей и молодежи*. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208271109.pdf (дата обращения: 2.07.2009)
- Парк, Р. (1999) *Экология человека // Теория общества : Фундамент. проблемы* / под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле. С. 384–400.
- Після філософії (2000) : *Кінець чи трансформація?* Рорті, Ліотар, Фуко, Деррида, Девідсон, Дамміт, Патнем, Апель, Габермас, Гадамер, Рикбор, Макінтайр, Блауменберг, Тейлор / К. Байнес (упоряд.) : пер. з англ. Київ : Четверта хвиля.
- Тощенко, Ж. Т. (2005) *Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека* // *Социол. исследования*. № 6. С. 4–7.
- Тощенко, Ж. Т. (2007) *Парадоксальный человек*. М. : Гардарики.
- Тощенко, Ж. Т. (2009) *Кентавр-проблема // Тезаурус социологии : Тематический словарь-справочник* / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ. С. 152–156.
- Фрейд, З. (1989) *Введение в психоанализ : лекции*. М. : Наука.
- Фролов, И. Т. (ред.) (1986) *Философский словарь*. 5-е изд. М. : Политиздат.
- Фуко, М. (1994) *Слова и вещи : Археология гуманитарных наук* : пер. с фр. СПб. : А-сэд.
- Фуко, М. (1999) *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* : пер. с фр. М. : Ad Marginem.
- Boutillier, R., Roed, J., Svendsen, A. (1980) *A crises in two social psychologies: A critical comparison* // *Social psychology quart.* Albany. Vol. 43. № 1. P. 5–17.
- Giddens, A. (1992) *Modernity and Self-Identity : Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge : Polity Press.
- Hamilton, R. F. (2003) *American sociology rewrites its history* // *Sociol. theory*. Wash., Vol. 21. № 3. P. 281–297.
- Park, R. E. a. o. (1929) *Research in the social sciences*. N. Y.
- Park, R. E., Burgess, E. W. (1924) *Introduction to the science of sociology*. Chicago.
- Postmodernizm (1998): *Antologia przekładów* / pod red. R. Nycza. Kraków : Wzd. Baran i Suszczynski.
- Skidmore, W. (1975) *Theoretical thinking in sociology*. Cambridge etc.: Cambr. Univ. Press.